

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

ДИСКУССИИ

Научная статья

УДК 910.1

doi: 10.17072/2079-7877-2022-1-165-179

РАДИКАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (I)

Юлиан Геннадьевич Тютюнник

Институт эволюционной экологии НАН, г. Киев, Украина

yulian.tyutyunnik@gmail.com

Аннотация. Понятие радикальной географии, появившееся в конце 1960-х и в 1970-х гг., стало очень популярным в Америке и Европе. «Радикальная география» – это проблемно ориентированная исследовательская тематика географической науки, объединяемая «концептом социальной справедливости» (Д. Харвей). Она имеет такие отличительные черты: своеобразие самой тематики, определяемой пространственными и экологическими проблемами, которые порождаются насилием человека над человеком и человека над природой; признаки «научного андеграунда»; «левая» политическая ориентация теории и методологии. Радикально-географические интенции в культуре и науке присутствовали всегда. В статье прослежена их эволюция, начиная с древнегреческой античности и заканчивая 1970-ми гг. Высказывается и обосновывается точка зрения о том, что на историческом этапе «современность» своеобразие радикально-географических идей обуславливается: а) историческим исчерпанием марксизма, как проекта будущего общества, б) возникновением новейшего эгалитарно-антиэтатистского учения «постанархизм», в) кардинальными трансформациями исторического процесса, связанными с утверждением в современном обществе принципов сети (в широком понимании) и эсхатологическими ожиданиями экологической катастрофы. Современная география не может не быть радикальной.

Ключевые слова: радикальная география, права человека, социальная справедливость, сеть, мультикультурализм, постанархизм, экологическая катастрофа, эсхатология

Для цитирования: Тютюнник Ю.Г. Радикальная география, история и современность (I) // Географический вестник = Geographical bulletin. 2022. № 1(60). С. 165–179. doi: 10.17072/2079-7877-2022-1-165-179.

DISCUSSIONS

Original article

doi: 10.17072/2079-7877-2022-1-165-179

RADICAL GEOGRAPHY, HISTORY AND MODERNITY (I)

Yulian G. Tyutyunnik

Institute for Evolutionary Ecology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

yulian.tyutyunnik@gmail.com

Abstract. The concept of radical geography emerged in the late 1960s and became very popular in America and Europe in the 1970s. Radical geography is a problem-oriented research area in the geographical science united by the ‘concept of social justice’ (D. Harvey). It has distinctive features as follows: a) the uniqueness of the themes, these being concerned with spatial and ecological problems generated by man’s violence against man and against nature; b) signs of ‘scientific underground’ (V.M. Kotlyakov – V.S. Preobrazhensky); c) the ‘leftist’ political orientation of theory and methodology. Radical-geographical intensions have always been present in culture and science. The article traces their evolution from the Greek antiquity to the 1970s. The paper presents and justifies the viewpoint that at the historical stage of ‘modernity’ the transformation of radical geographic ideas is conditioned by a) the historical collapse of Marxism as a project of future society, b) emergence of the newest egalitarian and

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

antiestablishment doctrine of ‘postanarchism’, c) cardinal transformations of historical process connected with the adoption of network principles (in a broad sense) in modern society and eschatological expectations of ecological disaster. Modern geography cannot but be radicalized.

Keywords: radical geography, human rights, social justice, networking, multiculturalism, postanarchism, environmental disaster, eschatology

For citation: Tyutyunnik, Yu.G. (2022). Radical geography, history and modernity (I). *Geographical Bulletin*. No. 1(60). Pp. 165–179. doi: 10.17072/2079-7877-2022-1-165-179.

Введение

Понятие *радикальной географии (РГ)* возникло на Западе в прошлом веке в конце «красных шестидесятых», когда Европу и Америку сотрясало движение *новых левых*. В начале 1980-х радикальная география исчерпала себя. Период её расцвета пришёлся на 1970-е гг. Назовём радикальную географию периода с конца 1960-х по начало 1980-х *классической*.

Практически все исследователи, писавшие о радикальной географии, сходятся во мнении, что её нельзя понимать как единую школу, структурированное вокруг одной концепции течение или даже парадигму. Это скорее некая *проблемно ориентированная исследовательская тематика*, которую можно идентифицировать по трём признакам. Во-первых, «набор» и характер самих проблем. Если кратко, то это – проблемы социальной справедливости. ***Радикальная география выявляет, изучает и предлагает решения – в рамках своей компетенции – проблем, обусловленных эксплуатацией человека человеком, социальной несправедливостью, экономическим неравенством и разнообразными формами насилия внутри общества и общества по отношению к природной среде.*** Вторым отличительным признаком РГ является её, условно говоря, полуподпольный характер: “Работая в учреждениях, финансируемых обществом, – писал автор капитальной сводки по англо-американской радикальной географии Р.Дж. Джонстон, – надо ориентироваться не на революционный, а на прагматический подход, если нет желания остаться безработным” [15, с. 268]. В.М. Котляков и В.С. Преображенский исследования такого рода назвали *научным андеграундом* [21, с. 8]. Они входят в более широкий исторический и эпистемологический контекст, который Ж. Делёз и Ф. Гваттари определили как *наука номадическая*, противостоящая науке «королевской» [13, с. 604–610]. Наконец, третий отличительный признак РГ – это «левый» характер её базовых идей и концепций. Этот признак хорошо работал до классического периода РГ включительно. Сегодня он утратил своё былое значение, поскольку в современной политической философии понятия «правые» и «левые» размылись, лишились политической определённости, «левых» и «правых» стало трудно идентифицировать, а значит, методическое значение такого подразделения стало меньшим.

Всю проблематику радикальной географии сегодня можно сгруппировать так: 1) равноправие рас, народов и культур, а также обоюдное-уважительное взаимодействие культур вплоть до мультикультурализма; 2) равноправие социальных групп, слоёв, классов общества и поиск пространственной структуры идеального населённого места («город солнца», «город-сад», «лучезарный город» и т.п.), в котором такое равноправие могло бы быть реализовано; 3) справедливое распределение и потребление материальных ресурсов и благ; 4) самоконтроль и самоограничение потребления; 5) морально-этическое отношение человека к ландшафту, его компонентам и элементам (например, к животным как братьям меньшим); 6) эсхатология и экологический алармизм. Предлагаемый нами «список» проблем шире «классического», сориентированного преимущественно на социально-экономическую, политическую и гуманитарную географию. Здесь присутствуют проблемы физико-географического, ландшафтоведческого и экологического характера (назовём их *радикально-экологическими*). Но, во-первых, расширение проблемно-ориентированной тематики РГ за счёт экологического и ресурсного моментов является велением времени; во-вторых, социально-

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

географический и ландшафтно-экологический «блоки» РГ-проблематики предметно и методически легко объединяются, если пространство, территорию и ландшафт рассматривать как ресурс.

Нет нужды доказывать, что вся история человечества, начиная с Древнего мира, является историей борьбы между классами и социальными группами, историей войн и завоеваний, угнетения и эксплуатации человека человеком, а также насилия человека над природной средой и борьбой за ресурсы. Отсюда закономерным будет то, что *моменты радикально-географической проблематики в науке и культуре явно или неявно присутствовали всегда.*

Андеграунд номадической науки – тоже древнее явление. Делёз и Гваттари со ссылкой на Мишеля Сера указывают, что «следы» номадичности можно найти “в атомистической физике Демокрита и Лукреция <...> и в геометрии Архимеда” [13, с. 604]. Работы с данными о древних «следах» номадичности в географии нам не ведомы, но мы считаем, что идея изонимии и множественности миров Демокрита (см. ниже) таким «следом» вполне могла бы быть. Об этом свидетельствует также научная судьба Абдерита, особенно его отношения со «столпом» античной «королевской» науки – Платоном [16; 26].

Учитывая всё это, задачу статьи сформулируем так: проследить эволюцию РГ-идей от античности до наших дней и показать их нынешнее своеобразие.

Радикально-географические интенции античности

Ограничимся Европой. Это целесообразно не только потому, что радикальная география – евро-американское явление; что похожие на радикально-географические идеи культур мусульманского мира (суфизм), Дальнего Востока (даосизм) и Южной Азии (джайнизм) в одной статье рассмотреть невозможно; но и потому, что именно культура Западной Европы, и отчасти древней Палестины, несет главную историческую ответственность за формирование ментального и поведенческого стереотипа «покорителя природы», «венца творения», «прогресса» – стереотипа, который и подвел человечество к той экологической пропасти, на краю которой оно сейчас пребывает. В истории и философии, как на истоки европейского мировосприятия и миропонимания, обычно указывают на *рационализм* древних греков и на *единобожие* древних иудеев.

У древних греков наиболее последовательными сторонниками идей, которые мы сегодня причисляем к радикально-географическим, были философы *кинической* школы. Эта школа просуществовала около тысячи лет и оказала сильное влияние на миропонимание первых христиан. С ней П.А. Кропоткин связал зарождение европейского *анархизма* [22]. Философия киников носила отчетливо выраженный классовый характер – была философией рабов, городских низов, «варваров», изгоев и изгнанников [27].

Обитатели древней Эллады были публикой самовлюбленной, иноплеменников – «варваров», населявших внегреческий мир они презирали и считали вполне закономерным и естественным обращать их в рабство. Аристотель в «Политике» под *естественный характер рабства* подвел пространное идеологическое «обоснование», а о Платоне в старых советских учебниках по философии писали коротко и ясно: идеолог рабовладельческого строя, и это было правдой. В Элладе не было больших врагов Платона, чем киники. При этом их простые и непритязательные философские аргументы часто «загоняли в угол» творца теории идей. А что касается рабства, то киники обосновывали обратное – *противоестественность рабства* [27]. То есть выступали не просто против господствующего в то время социально-философского нарратива, но фактически против идеологических основ всего современного им общественного строя.

В пику самовлюбленным эллинам киники с уважением относились к иноплеменникам. Диоген Синопский – тот, что жил в пифосе (или, как неправильно говорят, «в бочке»), высказывался прямо и резко: “Так называемые варвары для меня гораздо привлекательнее и местом, где они живут, и нравами; так называемые эллины ведут войну против варваров,

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

а варвары считают своим долгом защищать родную землю, довольствуясь лишь тем, что имеют. Вам же всего мало. Вы жаждете славы, неразумны и плохо воспитаны” [1, с. 230]. Ясно просматривается тенденция к *интернационализму*. Она перерастала в *космополитизм*, можно говорить и об элементах *мультикультурализма*. Изгнаннику и изгою, кочующему из одного полиса в другой, киническому философу ничего не оставалось, как только видеть себя *гражданином мира*: это понятие первым употребил Диоген Синопский [16]. Были и другие мыслители, тяготевшие к «мировому гражданству». Например, Демокрит Абдерский, который из своих дальних скитаний (Египет, Месопотамия, Индия) вынес мысль, что “для мудреца открыта вся земля, ибо весь мир – родина для высокого духа” [26, с. 372]. Абдерита считают также основоположником идеи о *множественности миров* и принципа *изономии*. Эти положения резко актуализируются в эпоху Ренессанса и в будущем станут важными для формирования РГ-проблематики.

Представители стоической школы духовный космополитизм оформили в приземлённую концепцию *космополиса* – такой территориальной организации общества, когда люди жили бы “ни по городам, ни по домам, отделённые друг от друга различными установлениями, но считали бы всех людей соотечественниками и согражданами” (Зенон Китийский) [37, с. 103]. Возникновению у греков таких воззрений способствовала реальная пространственная организация их жизни и ойкумены. Они организовали свой мир как *полис* и установили в нём *полисную демократию*. Территориальным центром этой демократии был не царский дворец, не храм, а базарная площадь *агора* – место, где каждый гражданин мог свободно высказать своё мнение, принять участие в обсуждении общественно важных вопросов, голосовать, убеждать, доказывать, агитировать, в общем, отстаивать своё мнение не с мечом в руках, а с философским доводом и политическим аргументом в устах. Это было гениальное политическое изобретение эллинов, которое не утратило своего значения по сей день. Те мечты о *демократии прямого действия* и *сетевом обществе*, с которыми сегодня часто связывают надежды на будущее справедливое территориальное устройство мира, берут своё начало именно отсюда – от агоры и полисной демократии, от космополиса и мирового гражданства древних греков.

Радикально-экологические взгляды у эллинов наиболее рельефно проявились в противопоставлении киников эпикурейцам – идеологам удовольствий и наслаждений. Киники были проповедниками самоограничения, воздержания и даже *аскезы*. Фигура философа, отказывающегося от земных благ и живущего в пифосе («бочке»), стала знаковым символом культуры. До развёрнутых экологических рефлексий тогда было ещё далеко, но в зародышевых формах они уже маячили на горизонте кинической мысли: “Моей бедности, – говорил «бочкожитель» Диоген, – помогают источники и земля, пещеры и шкуры, из-за них никто со мной не воюет ни на суше, ни на море” [1, с. 236]. Обратим внимание, что в этом высказывании ресурсный момент увязывается с внешней экспансией, войной, которые киником принципиально отвергаются. Главное в учении Диогена и его единомышленников – проповедь умеренности в потреблении благ, до аскезы. Сегодня проблема самоограничения – центральная во всей «экологической философии». Концепция добровольного отказа от материальных благ и комфорта наиболее радикально – именно в силу этой самой добровольности – противостоит концепции прогресса, которая лежит в основе всего новоевропейского понимания истории и направлена на неограниченный рост потребления благ, удовольствий и ресурсов. Прогресс науки и техники (или недавние «завоевания» и «покорения» природы) на практике имеет своим результатом не столько высвобождение свободного времени для творческих занятий, сколько потакание праздности и лени, создание условий для избыточного комфорта и роскоши, в конечном счёте – формирование *потребительской психологии* и *паразитического образа жизни*. Кроме того, идея «прогресса» ответственна за раздел людей на сорта: люд 1-го сорта – это провайдеры прогресса в его европейском понимании; те, кто к прогрессу равнодушен, – это особи 2-го и 3-го сорта. Их нужно

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

«цивилизовать», а можно и поработать. Киники остро чувствовали экзистенциальную противоречивость и внутреннюю извращённость будущей идеи прогресса и не только призывали к жизни в самоограничении, но и показывали на практике, как вести аскетический образ жизни. Умеренность и самоограничение в потреблении благ и ресурсов проповедовались также философами стоической и некоторых других философских школ.

Кто впервые назвал животных *братьями*? Как свидетельствует Диоген Лаэртский, его тёзка – Диоген Синопский [16, с. 260]. Расширенного философского обоснования этого тезиса у киника нет, но идея была «вброшена» в европейскую культуру и с последней, уже сориентированной на греческую рациональность с последующим «покорением природы», теперь придётся так или иначе считаться. Косвенным свидетельством того, что киники относились к животным как к братьям, является то, что на прозвище «собаки» (греки их так часто называли) они не обижались, и даже сами себя собаками называли.

Средневековая Европа

Средневековая Европа – часть света с христианским сознанием и миропониманием. Ещё при Риме Европа разделилась на Восток и Запад, и этот раздел с веками укрепился. Христианство Византии было более символическим, эстетическим и экстатическим; идеи прагматики в нём оттеснялись на второй план. Христианство романо-германского мира, напротив, большое внимание уделяло прагматике, наиболее плотно – в протестантских версиях. «В ранней церкви, а особенно на греческом востоке, – пишет Л. Уайт мл., – природа постигалась как символическая система, через которую Бог обращается к людям <...> На латинском Западе с начала XIII в. натуральная теология стала развиваться совершенно иначе: отказавшись расшифровывать смысл природных символов, данных Богом для общения с человеком, она пыталась понять премудрость Божию путём раскрытия того, как устроено и как действует его творение» [35, с. 196]. Отношение к природе, как к объекту эксплуатации в латинском христианстве, проявилось пятью столетиями ранее – в 830-м г.², когда в Каролингском государстве впервые свет увидели календари, на которых природные циклы иллюстрировались не в символических изображениях, а сезонными разновидностями хозяйственных работ [35, с. 195]. Линн Уайт на латинское христианство налагает главную ответственность за формирование и утверждение в ментальности европейцев такого понятия, как *эксплуатация природы*.

Прагматической позиции «натуральной теологии» противостоял радикально-экологический взгляд на взаимоотношение человека и природы. Такой взгляд можно обнаружить уже у иудеев древней Палестины, сказания которых легли в основу Ветхого Завета. То, что человек создан «по образу и подобию», то, что природа ему предана Богом для господства и управления, хорошо известно из Книги Бытия и часто цитируется. А вот то, что в Библии прописаны и альтернативные установки, известно меньше. Так, главы 12, 38 и 39 из Книги Иова можно назвать христианским гимном экологии: Бог отрицает власть человека над силами природы и даже говорит, что скот, птицы, рыбы, сама земля научат и наставят человека. И последний в лице Иова покорно склоняет перед Ним свою вопрошающе-критиканскую голову (39 Иов. 34). В Книге Иеремии Бог говорит: «О горах подниму плач и вопль, и о степных пастбищах – рыдание, потому что они выжжены так, что никто там не проходит, и не слышно блеяния стад: от птиц небесных до скота – все рассеялись, ушли» (9 Иер. 10). И, наконец, в Книге Иезекииля в гневе обещает Он очистить Землю от некоего града Гамоны – Полчища (не урбанизации ли?), скармливая животным и птицам «князей», «мужей сильных», «людей военных», «всадников» и их коней (39 Иез. 16–20). Радикально-

² Обратим внимание, что в 830-м г. монахами Фульдского монастыря в культуру было введено совершенно новое для неё понятие «ландшафт».

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

географические мысли Средних веков достаточно было извлечь из Святого Писания эти и аналогичные установки экологического и социального характера и развить их в радикальные учения в лоне того же христианства. Что, собственно, и происходило.

Самым решительным, последовательным и при том более чем миролюбивым христианским теоретиком и практиком радикальной экологии был св. Франциск Ассизский (1181–1226). Его значение для внедрения в европейское религиозное сознание *экофилии* трудно переоценить. В учении этого католического святого видим целый каскад идей радикально-географического плана. Вот главные: а) смирение человека не только как индивидуума, но и как вида: это ведёт к сведению его с трона «царя» природы; б) метемпсихоз и панпсихизм, наличие души явно или исподволь признается, как минимум, у животных (здесь не исключается влияние на Франциска ереси *катаров*); в) фундаментальное самоограничение и аскеза. Святой читал свои проповеди птицам и даже волку, жил в крайней бедности и искренне симпатизировал угнетённым, обездоленным слоям общества. Проповедь аскезы получила дальнейшее политическое развитие у Дж. Савонаролы и Дж. Уиклифа в контексте критики той роскоши и греховности, в которых тогда погрязли «святой престол» и весь европейский клира. Эта критика, в конечном счёте, завершилась Реформацией. А мысли о душе у животных и о лишении человека статуса «венца творения»/«царя природы» спустя века стали одним из истоков европейского инвайронментализма. Идеи Франциска Ассизского в той или иной форме нашли своё продолжение в средневековых ересях, иногда довольно радикальных (чешские *табориты*, германские *анабаптисты*, английские *лолларды* и др.).

В Средние века развитие получила восходящая к иудейской христианская эсхатология, наиболее полное изложение которой находим в Книге Иоанна Патмосского «Откровение». Эсхатологическое мировосприятие было глубоко укоренено в общественном сознании во времена Каролингов (8-й – 10-й вв.). Эсхатология – мировоззренческий базис *экологического алармизма*. Обычно его критикуют. Тем не менее алармизм ныне существенно влияет на философскую и научную мысль, а потому сбрасывать его со счетов нецелесообразно.

Радикально-географические интенции в Средних веках проявляли себя не только в экологическом контексте сквозь призму христианского миропонимания. Имели место и светские их проявления в экономической и политической практике. Одним из самых примечательных были *вольные города*, «покрывшие» в 11-м – 13-м вв. Европу от Испании до Руси. Известно, сколь большое значение им придавал П.А. Кропоткин [22, с. 418–422]. От внимательного взгляда географа-анархиста не ускользнуло и то, что вольные городские общины составлялись из отдельных улиц, концов, приходо́в, цеховых кварталов, которые «имели своего уличанского или приходского старосту, своё уличанское вече, своё народное судилище, своего избранного священника, свою милицию, своё знамя и часто свою печать – символ государственной власти» [22, с. 416]. Вольный город Средних веков в потестарном отношении был *полицентрическим* образованием, и это отличало его от структурировавшегося вокруг агоры античного полиса, наследником которого он, безусловно, был. Здесь в неявном виде содержится один очень важный для РГ вопрос – о размерности населённого места, в котором возможна *прямая демократия*. Прямое участие граждан в законодательных и исполнительных актах и акциях, не предусматривающее делегирование ими потестарных функций структурам государства (что имеет место при так называемой *представительской демократии*), возможно только на ограниченной территории. Например, безвозмездная и добровольная охрана общественного порядка поочерёдно группами вооружённых граждан не только делает ненужной структуры типа полиции, но и обходится гражданам существенно дешевле. Голосование за *живых людей*, которых большинство «электората», так или иначе, прямо или косвенно, но знает, исключает голосование за *политические образы*, которые навязываются религией, идеологией, политической рекламой и технологией, в конечном счёте, – нейролингвистическим программированием. Но подобное возможно только на ограниченной

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

территории. Вопрос – насколько ограниченной? Этот вполне радикально-географический вопрос на практике был «поднят» именно в средневековом вольном городе, хотя корнями он уходит в организацию античного полиса.

Вольные города могли образовывать свои региональные, национальные и международные союзы. Господин Великий Новгород, например, дружил с Ганзейским союзом. Это были федерации и конфедерации, формируемые по принципу, – и Кропоткин прямо на это указывает! – *сети* [22, с. 416].

Позднее Средневековье ознаменовалось началом одной из самых печальных исторических повестей человечества – *колонизации*. Предваряя колониальные походы и сопровождая их, взяла старт и эпоха Великих географических открытий. Колонизация выливалась в дикое насилие европейцев над туземным населением, достигавшее в обеих Америках, позже в Африке и Австралии масштабов геноцида. Не замедлила последовать обратная реакция: уже на первых этапах колонизации раздались голоса в защиту порабоощаемых народов, самым громким из которых оказался голос доминиканского монаха испанца Бартоломе де Лас Касаса (1474–1566 гг.). Лас Касас считается первым в истории борцом за *права человека*. Мысля средневековыми христианскими категориями, испанский монах резко возражал против массовых убийств конкистадорами индейцев и настаивал на их крещении: это давало туземцам основание войти под юрисдикцию католической церкви и получить хоть какую-то защиту от завоевателей. Благодаря усилиям доминиканца в 1542 г. в Испании были приняты законы в защиту индейцев.

Бартоломе де Лас Касаса, написавшего фундаментальный для своего времени труд «История Индий», который включал естественноисторические, этнографические, культурологические характеристики Иberoамерики и её коренных обитателей, можно с полным основанием причислить и к цеху географов.

Новое время

Для целей нашего изложения «реперными» событиями начала Нового времени целесообразно принять: а) утверждение *рационализма* как главного метода в науке и философии и б) зарождение *принципов гуманизма*, свободного от религиозной «основы». В хронологическом и историческом планах эти события идентифицируются с определённой долей условности (особенно принимая во внимание переходной от Средневековья к Новому времени период Ренессанса). Утверждение рационализма как метода («новоевропейский дискурс») обычно связывают с датой «1637-й г.»: тогда вышла в свет книга Рене Декарта «Рассуждения о методе». Ранние формы не религиозного гуманизма возникли в период Предренессанса, в 14-м в. Но мы в этом достаточно долгом временном люфте особе значение придаём другой дате: «год 1576-й». Тогда увидел свет памфлет Этьена де ла Боэси «Рассуждение о добровольном рабстве» (но написана работа была раньше, возможно, в 1548 г.) [45]. Вместе с Н. Маккиавели, Э. де Ла Боэси считается основоположником современной политической философии, но в отличие от первого в нём видят ещё и первого европейского «рационального» анархиста. В сравнительно небольшом памфлете Ла Боэси спрашивает, почему люди добровольно подчиняются, даже не будучи трусами, почему легко дают собою помыкать власть предержащими и почему это порою доставляет им даже удовольствие? Вопросы – исключительно взрывоопасные. Сол Ньюман – видный теоретик современного *постанархизма* называет Ла Боэси анти-Гоббсом и подчёркивает его значение как предтечи новейших теорий социального освобождения [29].

В период Ренессанса и Просвещения родилось много идей, которые стали центрами кристаллизации РГ-проблематики. Вот некоторые.

Гуманисты и просветители искали форму *идеального населённого места*, в котором господствовала бы социальная справедливость. Поначалу таким местом стали «идеальные» города социально-пространственных утопий Т. Мора (1478–1535 гг.), Ф. Бэкона

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

(1561–1626 гг.), Т. Кампанеллы (1568–1639гг.). Пьеро делла Франческа изобразил «идеальный город», и это изображение стало первым (~1470 г.) образцом пейзажной живописи в ренессансной Европе. Спустя три столетия французский архитектор К.Н. Леду спроектировал и попытался начать строить идеальный город Шо. Идея такого города восходит к «Государству» Платона и связана с принципами полисной организации жизненного пространства древней Эллады. Однако в более поздних вариантах это имеет ряд особенностей. Она содержит в себе эгалитарные и коммунитаристские моменты, но в то же время в ней имеются и методологические «лазейки» для превращения «городов солнца» в жёсткие потестарные структуры, которые со временем назовут *тоталитарными*. Т. Мор в своей «Утопии» допускал рабство, а Т. Кампанелла в «городе Солнца» – теократию, которая в 1534–1535 гг. реально имела место в «коммунистическом» городе революционных анабаптистов – Мюнстере. Однако в целом социально ориентированная концепция «города Солнца» для РФ полезна. С одной стороны, она выступает своеобразным продолжением идеи вольного города Средневековья, с другой, – предвосхищает идею «города-сада» или «зелёного города», высказанную Т. Фричем и Э. Говардом в конце 19-го – начале 20-го вв. Её в 20-м в. даже пытались реализовывать в Англии, Индии, России, Финляндии, Швеции – и не без определённого успеха.

Социалисты-утописты 18-го – 19-го вв. подошли к проблеме справедливой системы расселения по-иному: они предложили организовать её в виде небольших поселений, коммун, ассоциаций или, как позже скажут анархисты, *территориально-соседских общин*. Это было началом *дезурбанизма*, идеи которого подхватили градостроители 20-го в. (М.А. Охитович, М.О. Барщ, М.Я. Гинзбург в СССР; Ф.Л. Райт в США; Б. Таут в Германии и др.). Дезурбанизм ведёт к организации системы расселения по принципу *сети*, в своих последовательных вариантах отказываясь от иерархии населённых мест и схемы «центр – периферия».

Исключительное значение для становления РФ играли происходившая в Новое время колонизация и географические открытия. Ренессансный гуманизм, рационализм Просвещения, социализм утопистов, концепция Прав человека и гражданина Французской революции, Биль о правах в США, позже марксизм и социал-демократия находились в вопиющем противоречии с фактами геноцида и затмившей античный размах работорговли и рабовладения, которые во всю мощь развернулись в «галантном» 17-м, «просвещённом» 18-м и «научном» 19-м вв. Эстафету критики колониализма от Лас Касаса принял Джордано Бруно (1548–1600). Хотя между временем их выступлений прошло всего несколько десятков лет, аргументация Ноланца была уже не средневековой, построенной на нравственных аргументах христианства, а ренессансной, опирающейся на гуманизм рационального мышления. Если Лас Касас для спасения индейцев призывал всех крестить, приобщая их только к одной – христианской культуре, то Дж. Бруно говорил нечто прямо противоположное: он призывал уважать самобытность народов и племён, разнообразие культур, самоценность чужих обычаев [5].

По мере разворачивания географического изучения Земли на море и на суше в защиту порабоощаемых народов всё громче и громче начинали звучать голоса путешественников-исследователей. Давид Ливингстон за свою бескомпромиссность в борьбе с колониализмом и работорговлей в Африке получил почётный титул *друг человечества*. А сподвижник Дж. Кука Георг Форстер, наблюдая «взаимодействие» европейской цивилизации с туземной в Океании, пришёл к вполне радикально-географическому выводу, на 200 лет опережая своё время: «Следует самым серьёзным образом высказать пожелание, чтобы общение европейцев с жителями островов Южного моря было прервано, покуда эти невинные люди, столь счастливо живущие в неведении и простоте, не успели заразиться испорченными нравами цивилизованных народов. Увы, печальная истина состоит в том, что политические системы Европы и любовь к людям никак не согласуются друг с

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

другом» [36, с. 145]. Подобные мысли будили общественное сознание как у лучших представителей народов Европы и Америки, так и у туземцев. Впоследствии они стали частью идеологии антиколониализма, интернационализма, *мультикультурализма*³.

Географические открытия 16-го – 19-го вв. были важны не только для становления принципов гуманизма и мультикультурализма. Имела место их менее очевидная, но более глубокая связь с проблемами *разнообразия* и *сети*. Открываемое разнообразие культур, ландшафтов, народов «требовало» более прочного утверждения и осмысления в онтологии, и оно оформилось в виде принципа *полицентризма* и старой, высказанной ещё Демокритом, идеи *изономии*. «Идея полицентризма, – пишет современный российский философ В.П. Визгин, – разрушала иерархическую, неоднородную структуру перипатетической Вселенной с уникальным центром. Вместо уникального и потому абсолютного центра эта идея знает существование многих центров» [8, с. 186]. А «отсутствие причины для фиксации точки в пространственно-временном разнообразии и есть формулировка принципа изономии» [8, с. 234]. Не трудно видеть, что речь идёт о сети и отрицании схемы «центр – периферия». После Дж. Бруно, уже в век Просвещения, идею о разнообразии миров развивал и популяризировал Бернар ле Бовье де Фонтенель (1657–1757).

Эпоха Просвещения дала истории таких «левых» теоретиков общества, как Дж. Беллерс, Ф. Буассель, Л.М. Дешан, Э. Г. Морелли, Г.Б. Мабли, Ж. Мелье, Г. Форстер и др. Несколько особняком стоит фигура Ж.Ж. Руссо. Завершилось Просвещение, как известно, Французской революцией, породившей целую плеяду радикальных теоретиков и практиков утопического социализма, коммунизма, анархизма. Идеи просветителей и якобинцев – важный исторический этап в формировании РГ-проблематики. Так, Форстер, как подчёркивалось, стал одним из зачинателей мультикультурализма, а Буассель первым (1787) исследовал проблему урбанизации и *социальной поляризации городского пространства* – важнейшую для классической РГ.

Отдельно нужно сказать об Александре Николаевиче Радищеве. Его «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) написано в 18-м в. в популярном жанре путевых заметок. В таких повествованиях многие авторы того времени в большей или меньшей степени уделяли внимание проблемам социальной справедливости, с которыми они сталкивались «по дороге». Но Радищев был первым, для которого явились главной целью литературно-художественного исследования «дороги». Не будет большим преувеличением сказать, что «Путешествие из Петербурга в Москву» – *первое радикально-географическое произведение* в собственном смысле понятия «радикальная география». Сто раз была права Екатерина II, объявив А.Н. Радищева «бунтовщиком хуже Пугачёва». А русские анархисты для характеристики государства предпочитали пользоваться не гоббсовским образом «Левиафан», а эпиграфом к «Путешествию...» *Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лапй*: так великий русский гуманист окрестил самодержавно-крепостнический режим Российской империи, подвергнутый им беспощадной анатомии на основании фактов и наблюдений, в о в р е м я п у т е ш е с т в и я .

В 1848-м г. по Европе начал «бродить» призрак коммунизма и к социально-экономическим учениям, формировавшим теоретический пул радикальной географии, добавился *марксизм*.

В Новое время зародилась и развилась также радикальная экология. В *ресурсном* аспекте, тесно вплетенном в экономику и демографию, её традиционно связывают с Т.Р. Мальтусом

³ Это, конечно же, не значит, что исследователи и путешественники не видели противоречий и недостатков в самих туземных цивилизациях (хотя тенденция идеализировать «природную» жизнь «дикарей» имела место). Ливингстон с одинаковой яростью нападал и на европейских торговцев «живым товаром», и на африканских царьков, организовывавших охоту за рабами внутри континента. Форстер с отвращением писал не только о пороках европейцев, отрицательно влиявших на туземцев, но и об варварских обычаях туземных народов, например, каннибализме маори. Перед исследователями стояла очень трудная задача отделить зёрна от плевел и взять всё лучшее и от европейцев, и от туземцев, отбрасывая пороки обеих культур. Это сложно, но в этом и заключается суть мультикультурализма.

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

(1766–1834), правда, больше через критику – «от противного». С экологической точки зрения, Мальтус ничего плохого не сказал: просто перенес природный закон, описывающий зависимость между ресурсами среды и плотностью популяции, в общество. Критику Мальтус “заслужил” другим, а именно, присутствующими в его теории сакраментальными вопросами: «кто имеет право искусственно контролировать плотность популяций *Homo sapiens*'ов?», «если одни группы сапиенсов контролируют плотность популяций в других группах, определяя кому жить, а кому умереть, или не родиться вовсе, то, что это за группы и кто давал им право на подобный контроль?». Так ресурсно-экологическая проблема переводится из естественно-исторической плоскости в политическую, аксиологическую и даже экзистенциальную. Здесь открывается возможность и для фашистской интерпретации мальтузианства, и для вполне демократической, эгалитарной: никто никого контролировать не вправе. Но, как показала дальнейшая историческая практика, преобладал всё-таки фашистский «полюс». В этом случае критика мальтузианства/неомальтузианства в РГ-проблематику вполне вписывается.

Что касается радикально-экологической рефлексии на *деградацию окружающей среды*, то она вплоть до 1960-х гг. в РГ-тематике проявлялась относительно слабо, во всяком случае, не в «первом эшелоне». Тем не менее о её начале в контексте деградации природной среды в Новое время говорить можно. Одними из первых дали о себе знать проблемы, обусловленные *истреблением лесов*. Лесосека для целей строительства и производства стройматериалов создавала экологические и экономические проблемы ещё в Древнем Риме. Позже она стимулировалась ещё и потребностями кораблестроения, металлургии, градостроительства, коммунального хозяйства. Обезлесивались европейские просторы и под сельхозугодья. Сведение лесов в доиндустриальный и ранне-индустриальный периоды стало серьёзной экологической, экономической и социальной проблемой. На государственном уровне, начиная с римлян, предпринимались попытки ограничить масштабы лесосеки. Венецианская республика впервые в истории взялась за лесовосстановительные работы. Но проблемы это не решало. На местном уровне проблемы эколого-экономического характера (природопользования) регулярно провоцировали социальные конфликты. В 15-м – 16-м вв. к ним добавились также те, что были вызваны *огораживанием*. Крупнейшим стало восстание под предводительством Роберта Кета (1549). Большая часть требований восставших была сосредоточена на проблемах природопользования и доступа к природным ресурсам. Позже в 17-м в. огораживание спровоцировало движение *диггеров*, руководителем и идеологом которого стал первый новоевропейский социалист-утопист Дж. Уинстенли.

Важное событие произошло в 1700 г.: итальянский врач Б. Рамаццини опубликовал трактат «О болезнях рабочих». Это была первая научная работа о влиянии вредных веществ на человека, т.е. о *загрязнении окружающей среды*. С тех пор эта непреходящая для РГ тематика уже более 300 лет актуализируется по нарастающей и сегодня превратилась в одну из главных.

В первой пол. 19-го в. зарождается инвайронментализм в его современном понимании. Поначалу он был безымянным и в протестах, например, *луддитов*, проявлялся в стихийных формах. Но позже инвайронменталистские интенции подкрепились серьёзными политическими, философскими и художественными рефлексиями. Их провайдерами стали *романтики* и *трансценденталисты*. В 1836 г. американец Ралф Уолдо Эмерсон опубликовал эссе «Природа», в котором высказывались идеи гилозоизма и утверждалось, что “нравственный закон находится в центре природы” [44, с. 200]. В 1838 г. один из крупнейших европейских романтиков Николаус Ленау написал пророческое в своём роде стихотворение, которое называлось «К весне 1838 г.». В нём поэт задается сакраментальным вопросом «куда людей и планету ведёт технический прогресс?», а также ставит под сомнение то «светлое будущее», на которое тогда уповало европейское сознание, опьяненное успехами Промышленной революции и растущего как снежный ком научно-технического знания. *А основоположник современного инвайронментализма трансценденталист Генри Дэвид Торо*

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

пошёл ещё дальше: он не только задекларировал свои антипрогрессистские взгляды в книге «Уолден, или Жизнь в лесу» (1854), но и пропустил их, ведя натуральное хозяйство, через собственный опыт уединённой жизни на берегу лесного пруда. Подобно св. Франциску, Торо разговаривал с животными и те ему внимали [4, с. 223–224.]. Являясь поклонником буддизма, американский мыслитель иногда даже “отрешается от позиции стороннего наблюдателя, и тогда его описания «изнутри» принадлежат целиком царству природы, словно он сам является её частью, а не гостем из мира цивилизации” [18, с. 230]. Говоря о неевропейских народах, Торо подчёркивал, что “именно они – население земли” и притом не вопреки, а потому, что среди них “нет личностей” [31, с. 114]. В сфере политики Г.Д. Торо резко выступал против рабовладения, против буржуазной представительской «демократии», высказывал взгляды, близкие к анархо-индивидуализму, одним из первых подверг резкой критике систему так называемого голосования и средства массовой информации, как способы управления поведением масс. Он писал: “Газеты – вот правящая сила. Любое другое правительство – всего лишь горстка морских пехотинцев из форта «Индепенденс». Если вы не читаете «Дейли таймс», правительство будет на коленях просить вас одуматься, ведь в наши дни не читать газет – измена” [31, с. 118]. К взглядам этого неординарного американского мыслителя неоднократно обращались американские «новые левые» и радикальные географы классического периода. Не потеряли они своего значения и в сегодняшнее время.

В 1882 г. Фридрих Энгельс в «Диалектике природы» запишет фразу, которая станет крылатой: “Не будем слишком обольщаться нашими победами над природой, за каждую такую победу она мстит нам”. Но вышедший на историческую сцену и утвердившийся на ней во второй пол. 19-го века *марксизм* немного внимания уделял экологии и инвайронментализму. Проблемы экономики, социологии и политики для него были важнее. Марксизм сильно повлиял на становление РГ-тематики в разных аспектах. Но если говорить о самом главном, то стоит указать на полемику Карла Маркса с М.А. Бакуниным, разгоревшуюся в конце 1860-х – начале 1870-х гг. и закончившуюся изгнанием Бакунина сотоварищами из 1-го Интернационала. Спор не носил слишком уж философского характера и сводился к одному довольно простому практическому вопросу: ***можно или нельзя использовать государство для построения общества социальной справедливости?*** Маркс говорил «да», Бакунин – категорически «нет». Мы не будем пересказывать аргументацию того и другого, в тот период они носили, скорее, схоластический характер. А вот в 20-м в. точка зрения Маркса утвердилась в исторической практике и наделала много бед. Ниже мы вернёмся к важной для РГ полемике между Марксом и Бакуниным, а пока, завершая обзор идей Нового времени, подчеркнём следующее. Если с позиций РГ попытаться охарактеризовать этот период европейской истории сверхлаконично, то можно сказать так: *прогрессизм*. Господство философии и мировоззрения прогрессизма отличает Новое время и от предшествовавшего Средневековья и от следующего за ним исторического периода «современность». Ф. Бэкон суть прогрессизма выразил ёмко и кратко: «Знание – сила». На балу жизни задают тон рациональность, разум, мышление, метод, дискурс, а правит его – наука. Её дочь техника высвобождает для человека свободное время, которое им используется для досуга и самореализации, а также обеспечивает для него комфорт, благополучие, достаток и безопасность. На Земле воцаряется рай. Этот рай – цель истории. Венцом прогрессизма стала созданная в первой пол. 20-го в. Пьером Тейяром де Шарденом (идеалистический вариант) и В.И. Вернадским (материалистический вариант) концепция *ноосферы*. Её можно рассматривать как с геологической, так и с экологической, как с антропологической, так и с социологической, как с исторической, так и с экзистенциальной точек зрения. Пересказывать теорию ноосферы мы не будем, обратим внимание лишь на то, что её триумф, пришедшийся на 1970-е – 1990-е гг. и в 1987 г. достигший апогея в «концепции» так называемого *устойчивого развития*, постоянно омрачался мягкими

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

алармистскими предупреждениями типа «Пределов роста» (Д.Х., Д.Л. Медоузы и др.) или жёсткими заявлениями типа «До того как умрёт природа»⁴ (Ж. Дорст). Историческое время прогрессизма заканчивалось.

(Окончание следует)

Список источников

1. Антология кинизма: Фрагменты сочинений кинических мыслителей / сост. И.М. Нахов. М.: Наука, 1984. 400 с.
2. Баш В. Индивидуалистический анархист Макс Штирнер: пер. с фр. / Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. С. 442–474.
3. Блануца В.И. Географическое изучение сетевого мира: исходные установки и перспективные направления // ГиПР. 2012. № 1. С. 5–13.
4. Брукс В.В. Писатель и американская жизнь. Т. 1-й. Расцвет Новой Англии / пер. с англ. М.: Прогресс, 1967. 424 с.
5. Бруно Дж. Философские диалоги / пер. с ит. М.: Новый Акрополь, 2013. 512 с.
6. Быков В.И. Истоки «левизны» в экономической географии 30-х годов // Вопросы географии. 1980. Вып. 115. С. 44–54.
7. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / пер. с англ. 2-е изд. М.: URSS, 2017. 300 с.
8. Визгин В.П. Идея множественности миров: Очерки истории. М.: Наука, 1988. 296 с.
9. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Культурный ландшафт как субъект гражданских прав // Теория и практика планирования культурного ландшафта: мат. всерос. науч.-практ. конф. Саранск, ноябрь 2010 г. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2010. С. 3–7.
10. Гохман В.М., Лавров С.Б., Сдасюк Г.В. Социально-экономическая география Запада на переломе // Изв. ВГО. 1979. Т. 111, № 2. С. 97–105.
11. Деланда М. Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность / пер. с англ. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 170 с.
12. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. М.: Издательский центр «Академия», 1995. 300 с.
13. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
14. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. с фр. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
15. Джонстон Р. Дж. География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. / пер. с англ. М.: Прогресс, 1987. 368 с.
16. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / под общ. ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.
17. Доллежалъ Н.А. У истоков рукотворного мира: (записки конструктора). Изд. 4-е, доп. М.: ИздАТ, 2010. 262 с.
18. История Американской литературы. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. 343 с.
19. Капра Ф., Матеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара; СПб.: Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2021. 328 с.
20. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2018. 344 с.
21. Котляков В.М., Преображенский В.С. С чем мы подходим к рубежу XXI века? (о некоторых чертах менталитета отечественных географов) // Известия РАН. Сер. геогр. 1992. № 3. С. 4–18.
22. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. 638 с.
23. Лавров С.Б. Аспекты западной социальной географии: Экономическая и социальная география // Вопросы географии: сб. Вып. 115. М.: Мысль, 1980. С. 67–87.

⁴ Сама фраза «до того как умрёт природа» (а это название книги!) подразумевает, что смерть эта, если не неизбежна, то вполне реальна.

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

24. Лавров С.Б., Преображенский В.С., Сдаюк Г.В. Современная «радикальная» география Запада: корни, история и позиции // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1979. № 2 С. 135–145.
25. Леопольд О. Календарь песчаного графства / пер. с англ. М.: Мир, 1980. 216 с.
26. Лурье С.Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования. Л.: Наука, 1970. 664 с.
27. Нахов И.М. Философия киников. М.: Наука, 1982. 224 с.
28. Николаенко Д.В. Радикальная география. Сущность, генезис, проблемы и перспективы. Сочинения. Т. 4. СПб.: Изд-во «Амадеус», 2002. С. 177–216. [Электронный ресурс], URL: https://www.researchgate.net/publication/325312324_Radikalnaa_geografia_Susnost_genezis_problemy_i_perspektivy_Nikolaenko_DV_Socinenia_Tom_4_Sankt-Peterburg_Amadeus_2002_-_s_177-216 (дата обращения: 22.11.21).
29. Ньюман С. Постанархизм / пер. с англ. М.: РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
30. Поланьи К. Великая трансформация / пер. с англ. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
31. Торо Г.Д. Жизнь без принципа / Писатели США о литературе: пер. с англ. Т. 1. М.: Прогресс, 1982. С. 104–119.
32. Тютюнник Ю.Г. Ландшафт и ландшафтность. К.: Институт эволюционной экологии НАН Украины, 2019. 124 с.
33. Тютюнник Ю. Радикальная география: к критике концепции устойчивого развития // Альтернативы. 1998. № 3. С. 145–156.
34. Тютюнник Ю.Г. Тоталлогия ландшафта. К.: Центр гуманитарного образования НАН Украины, 2002. 122 с.
35. Уайт Л., мл. Исторические корни нашего экологического кризиса: пер. с англ. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 188–202.
36. Форстер Г. Путешествие вокруг света / пер. с нем. М.: Глав. ред. вост. лит. изд-во «Наука», 1986. 568 с.
37. Фрагменты ранних стоиков. Т. I. Зенон и его ученики / пер. с д. греч. и комментарии А.А. Столярова. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1998. 230 с.
38. Хайдеггер М. Европейский нигилизм: пер. с нем. // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 261–313.
39. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: Заводить сородичей в Хтулуцене / пер. с англ. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
40. Харви Д. Социальная справедливость и город / пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 440 с.
41. Хоркхаймер М. К критике инструментального разума / пер. с нем. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
42. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения / пер. с нем. М.; СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 312 с.
43. Цзин А. Гриб на краю света: О возможности жизни на руинах капитализма / пер. с англ. М.: Ад Маргинем, 2017. 376 с.
44. Эмерсон Р.У. Природа / Эстетика американского романтизма: пер. с англ.: сб. М.: Искусство, 1977. С. 181–216.
45. Этьен Де Ла Бозси. Рассуждение о добровольном рабстве / пер. с фр. М.: Изд. АН СССР, 1952. 200 с.
46. George S. Informe Lugano / traducción de ingles. Barcelona: Icaria editorial, 2001. 256 p.
47. Peck J., Tickell A. Neoliberalizing Space // Antipode. 2002. Vol. 34, No. 3. P. 380–404. [Электронный ресурс], URL: https://www.researchgate.net/publication/227652742_Neoliberalizing_Space; последнее обращение (дата обращения: 01.10.21).

References

1. *Antologiya kinizma: Fragmenty sochinenii kinicheskikh myslitelei* [Anthology of cynicism: Fragments of the writings of cynical thinkers] (1984), Nauka, Moscow.
2. Basch, V. (1994), “Individualistic anarchist Max Stirner”, In Stirner, M. *Edinstvennyi i ego sobstvennost’* [Der Eine und Sein Eigenes], Osnova, Khar’kov, pp. 442–472.

Дискуссии

Тютюнник Ю.Г.

3. Blanutsa, V.I. (2012), Geographic study of the networked world: initial attitudes and prospective directions, *Geografiya i prirodnye resursy*, no. 1, pp. 5–13.
4. Brooks, V.W. (1967), *Pisatel' i amerikanskaya zhizn'. T. 1-i. Rastsvet Novoi Anglii* [The writer and American life. Vol. I. The heyday of New England], Progress, Moscow.
5. Bruno, G. (2013), *Filosofskie dialogi* [Philosophical dialogues], Novyi Akropol', Moscow.
6. Bykov, V.I. (1980), The origins of "leftism" in the economic geography of the 1930s, *Voprosy geografii*, vol. 115, pp. 44–54.
7. Wallerstein, I. (2017), *Mirosistemnyi analiz: vvedenie* [World system analysis: An introduction], URSS, Moscow.
8. Vizgin, V.P. (1988), *Ideya mnozhestvennosti mirov: Ocherki istorii* [The idea of plurality of worlds: Essays on history], Nauka, Moscow.
9. Gagaev, A.A., Gagaev P.A. (2010), The cultural landscape as a subject of civil rights, In *Teoriya i praktika planirovaniya kul'turnogo landshafta: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Theory and practice of cultural landscape planning: Proceedings of the all-Russian scientific and practical conf.], Mordovskii universitet, Saransk, pp. 3–7.
10. Gohman, V.M., Lavrov, S.N., Sdasyuk, G.V. (1979), Socio-economic geography of the West at a turning point, *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 111, no. 2, pp. 97–105.
11. Delanda, M. (2018), *Novaya filosofiya obshchestva: Teoriya assambley i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity], Hyle Press, Per'm'.
12. Deleuze, G. (1995), *Logika smysla* [Logique du sens], Izdatelskii tsentr "Academia", Moscow.
13. Deleuze, G., Guattari, F. (2010), "Tsyacha plato: Kapitalizm i shisofreniya" [Capitalisme et schizophrénie 2. Mille plateaux], U-Phactoriya, Ekaterinburg; Astrel', Moscow.
14. Descola, Ph. (2012), *Po tu storonu prirody i kultury* [Par-delà Nature et Culture], Novoye Literaturnoye Obozreniye, Moscow.
15. Johnston, R.J. (1987), *Geografiya i geography* [Geography and geographers], Progress, Moscow.
16. Diogenes Laertius (1979), *O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitih filosofov* [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Mysl', Moscow.
17. Dollezhalskiy, N.A. (2010), *U istokov rukotvornogo mira* [At the origins of the man-made world], IzdatAT, Moscow.
18. *Istoriya Amerikanskoi literatury* [History of American literature] (1947), vol. 1. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow.
19. Capra, F., Mattei, U. (2021), *Ekologiya prava: Na puti k pravovoi sisteme v garmonii s prirodoy i obshchestvom* [The ecology of law: Toward a legal system in tune with nature and community], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, St. Petersburg.
20. Kohn, E. (2013), *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Toward an anthropology beyond the human], Ad Marginem, Moscow.
21. Kotlyakov, V.M., Preobrazhenskii, V.S. (1992), "How are we approaching the turn of the 21st century? (about some features of the mentality of Russian geographers)", *Izvestiya RAN, Seriya geograficheskaya*, no. 3, pp. 4–18.
22. Kropotkin, P.A. (1990), *Hleb i volya. Sovremennaya nauka i anarhiya* [Bread and Freedom. Modern science and anarchy], Pravda, Moscow.
23. Lavrov, S.B. (1980), Aspects of western social geography: Economic and Social Geography, *Voprosy geografii*, vol. 115, pp. 67–87.
24. Lavrov, S.B., Preobrazhenskiy, V.S., Sdasyuk, G.V. (1979), Contemporary "radical" geography of the West: roots, history and positions, *Izvestiya Akademii nauk SSSR, Seriya geograficheskaya*, no. 3, pp. 4–18.
25. Leopold O. (1980), *Kalendar' peschanogo grafstva* [Sandy county calendar], Mir, Moscow.
26. Lurie, S.Ya. (1970), *Demokrit: Teksty. Perevod. Issledovaniya* [Democritus: Texts. Translation. Research], Nauka, Leningrad.
27. Nakhov, I.M. (1982), *Filosofiya kinikov* [Philosophy of the cynics], Nauka, Moscow.
28. Nikolaenko, D.V. (2002), Radical geography. Essence, genesis, problems and prospects, *Sochineniya* [Compositions], Amadeus, St. Petersburg, vol. 4, pp. 177–216, available at: https://www.researchgate.net/publication/325312324_Radikalnaa_geografia_Susnost_genezis_problemy_i

Дискуссии
Тютюнник Ю.Г.

perspektivy_Nikolaenko_DV_Socinenia_Tom_4_Sankt-Peterburg_Amadeus_2002_-_s_177-216 (Accessed 22.11.21).

29. Newman, S. (2021), *Postanarhism* [Postanarchism], RIPOL klassik, Moscow.
30. Polanyi, K (2002), *Velikaya transformatsiya* [The great transformation], Aleteya, St. Petersburg.
31. Thoreau G.-D. (1982), Life without a principle, In *Pisateli SShA o literature* [US writers about literature], vol. 1, Progress, Moscow, pp. 104–119.
32. Tyutyunnik, Yu.G. (2019), *Landshaft i landshaftnost'* [Landscape and landscapity], IEE NANU, Kyiv.
33. Tyutyunnik, Yu. (1998), "Radical geography": criticizing the concept of sustainable development, *Alternativy*, no. 3, pp. 145–156.
34. Tyutyunnik, Yu.G. (2002), *Totallogiya landshafta* [The totallogy of the landscape], Tsentr gumanitarnogo obrazovaniya NAN Ukrainy, Kyiv.
35. White L, Jr. (1990), The historical roots of our ecological crisis, *Globalnye problemy i obschechelovecheskie tsennosti* [Global problems and human values], Progress, Moscow, pp. 188–202.
36. Forster, G. (1986), *Puteshestvie vokrug sveta* [Reise um die Welt], Nauka, Moscow.
37. *Fragmentsy rannih stoikov. Tom 1. Zenon i ego ucheniki* [Excerpts from early stoics. Vol. 1. Zeno and his disciples] (1998), Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, Moscow.
38. Heidegger, M. (1988), Europäischer Nihilismus, *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii* [The problem of man in western philosophy], Progress, Moscow, pp. 261–313.
39. Haraway, D. (2020), *Ostavayas' so smutoi: Zavodit' sorodichei v htulutsene* [Staying with the trouble: Making kin in the chtulucene], Gile Press, Per'm'.
40. Harvey D. (2018), *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social justice and the city], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow.
41. Horkheimer M. (2011), *K krirtike instrumental'nogo razuma* [Zur Kritik der instrumentalen Vernunft], Kanon+ROOI Reabilitatsiya, Moscow.
42. Horkheimer M., Adorno, T.V. (1997), *Dialectika Prosvescheniya* [Dialektik der Aufklärung], Medium, Yuventa, Moscow – St. Petersburg.
43. Tsing, A. (2017), *Grib na krayu sveta: O vozmozhnosti zhizni na ruinah kapitalizma* [The mushroom at the end of the world], Ad Marginem, Moscow.
44. Emerson, R.W. (1977), Nature, *Estetika amerikanskogo romantizma* [Aesthetics of American Romanticism], Iskusstvo, Moscow, pp. 181–216.
45. Étienne de La Boétie (1952), *Rassuzhdeniya o dobrovol'nom rabstve* [Discours de la servitude volontaire], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow.
46. George, S. (2001), Informe Lugano. Icaria editorial, Barcelona.
47. Peck, J., Tickell, A. Neoliberalizing space // *Antipode*. 2002. Vol. 34, no. 3. pp. 380–404, available at: https://www.researchgate.net/publication/227652742_Neoliberalizing_Space (Accessed 1.10.21).

Статья поступила в редакцию: 09.12.2021; одобрена после рецензирования: 05.02.2022; принята к опубликованию: 09.03.2022.

The article was submitted: 9 December 2021; approved after review: 5 February 2022; accepted for publication: 9 March 2022.

Информация об авторе

Юлиан Геннадьевич Тютюнник

д.г.н., профессор, ведущий научный сотрудник
Института эволюционной экологии
Национальной академии наук Украины;
03143, Украина, г. Киев, ул. Академика Лебедева, д.
43

Information about the author

Yulian G. Tyutyunnik

Doctor of Geographical Sciences, Professor, Leading
Researcher, Institute for Evolutionary Ecology of the
National Academy of Sciences of Ukraine;
43, Akademika Lebedeva st., Kiev, 03143, Ukraine

e-mail: yulian.tyutyunnik@gmail.com